

Culture generating texts: functions, genres, authors

V. I. Karasik¹

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Valgin Str., Moscow 117485, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-82-91](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-82-91)

Research Article
Full text in Russian

The paper deals with culture generating texts treated as speech products corresponding to dominant features of civilization in cultural history. Three types of such texts – sacral regulations, mass circulation products and virtual net messages – have radically changed the idea of authorship and corresponding attitudes of public to texts. The first text type brought to life selected priests who were regarded as keepers of sacral knowledge to be transmitted to coming generations, the second text type initiated numerous artisans who produced various one-time texts suitable for everyday purposes, the third text type generated illusionists who launch secondary texts through the world electronic network for the sake of carnival play with life. The characteristics of three types of text as indicators of culture have been described on the material of aphorisms. Autosemantic sentences of the first type are usually expressed as manifestations of general truth or common norms of behavior, the second type phrases function as trivial observations or specific recommendations in particular situations, whereas the third type texts have a paradoxical nature or are used as banter expressions uttered to fill the gaps in conversation. Sentences of the first type make the core golden reserve of human wisdom, and they are often used in situations of social inequality when people demonstrate their experience and right to give lessons to others. Sentences of the second type are very important for everyday routine life, and they appear in corresponding habitual situations. Sentences of the third type are applied mainly in interactions which require a critical reaction to any type of edification, either moral or utilitarian, their aim is to establish equality as such by means of ridicule of any kind of self-admiration.

Keywords: culture; text; discourse; genre; authorship; carnival; aphorisms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karasik Vladimir I. | E-mail: vkarasik@yandex.ru
| Doctor of Sciences in Philology

Funding: RFBR, project 19-012-00609 A.

For citation: Karasik V. I. Culture generating texts: functions, genres, authors // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 82–91. (in Russ.)

Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы

В. И. Карасик¹

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, ул. Академика Валгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-82-91](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-82-91)
УДК 81'42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются культурогенные тексты – речевые произведения, соответствующие цивилизационным доминантам в истории культуры. Переход от сакральных текстов к текстам массовой культуры и затем – к текстам в виртуальном пространстве привел к существенным изменениям в понимании феномена авторства и позиции людей по отношению к тексту. Первый тип текстов выдвинул на авансцену культуры жрецов, назначением которых была передача последующим поколениям священного знания, второй тип текстов привел к возникновению авторов-ремесленников, производящих одноразовые тексты для разных целей, третий тип текстов вызвал к жизни фокусников, порождающих вторичные тексты с целью карнавализации бытия. Рассмотрены характеристики трех выделенных типов текстов применительно к жанру афоризмов. Показано, что универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленническая разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-этические, так и на утилитарные поучения, их назначение – восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового.

Ключевые слова: культура; текст; дискурс; жанр; авторство; карнавализация; афоризмы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карасик Владимир Ильич	Email: vkarasik@yandex.ru
	Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Финансирование: РФФИ, проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Для цитирования: Карасик В. И. Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 82–91.

Положение о том, что культура реализуется в определенных образцах и значимых смысловых последовательностях – текстах, вошло в аксиоматику культурологии. Из этого положения вытекает постановка весьма обширной исследовательской программы – поиск соответствий между типами культуры и типами текстов. Одна из таких корреляций предложена в работе американского исследователя Дж. Лемке [1], который устанавливает три принципиально различных типа текстов по их культурогенной значимости.

Первый тип текстов (и других семиотических артефактов) образуют уникальные сакральные тексты, назначение которых – неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению. Второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа. Это связано, прежде всего, с развитием книгопечатания. Смысл конкретного текста сохраняет свою значимость, но все большую значимость приобретает соответствие этого текста стандартному типу.

В условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого – наличие гипертекста, возможность моментального переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главная характеристика этих текстов – возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям. Автор предлагает новый термин для обозначения таких переходов – «траверсалии» – *traversals* (Там же. С. 135). Наличие этих траверсалий предполагает и новые виды контроля общества над своими членами, главным образом посредством масс-медиа. Тексты третьего типа – это в массе своей короткие тексты (их прототип – газетное или журнальное сообщение, которое можно прочитать за несколько минут), предназначенные для однократного использования и все чаще включающие визуальный компонент (картинку).

Соответственно, выделяются три типа текстовой компетенции: 1) умение точно запомнить и многократно воспроизвести заданный текст, 2) умение осознать жанровый канон и воспроизводить тексты в рамках этого канона и 3) умение соединять любые тексты (и текстообразующие институты). В последнем случае высоко ценится стратегия соединения текстов, именно здесь, по мнению автора, следует ожидать новых способов осуществления социального контроля.

Эта концепция перекликается с теорией Ж. Бодрийера о типах «неподлинностей» – симулякров. Понятие «симулякр» как видимость или подобие в философском отношении представляет собой соответствие некоторому оригиналу, в идеальном варианте – платоновскому эйдосу (первообразу, идее вещи). Соответственно, возможны отклонения от оригинала по степени сходства с ним (репродукции и копии), по легитимности (копии и подделки), по процессуальности (копии и копирование). Репродукция технически воспроизводит неизменный вариант определенного оригинала, копия допускает незначительные отклонения от него, которые, накапливаясь, могут привести к образованию новой вещи. Копия легитимна в той мере, в какой общество санкционирует копирование определенных оригиналов, все остальные попытки воспроизвести тот или иной оригинал квалифицируются как подделки, и соответствующие

артефакты подлежат уничтожению, а их авторы – наказанию. В процессуальном отношении применительно к оригиналу и копии на первый план выходит идея модели, образца, технологии, по которой воспроизводится некоторый материальный или идеальный объект. Ж. Бодрийяр говорит о трех стадиях (порядках) симулякров в истории общества: 1) подделка, связанная с идеей уникальности оригинала; 2) производство, связанное с идеей тиражирования оригинала; 3) симуляция, связанная с идеей замещения оригинала [2, с. 111].

Острое переживание нетождественности оригинала и копии, поиск подлинников и подлинности в философском отношении соответствуют главной идее экзистенциализма – нахождению и оправданию смысла жизни. Культурологическая (и лингвокультурологическая) проекция этого переживания находит отражение в типологии текстов как знаков определенной культуры.

Приведенная выше типология текстов построена на двух основаниях: уникальность / массовость и результативность / процессуальность. Эти же критерии являются основой для построения более общей концепции ценности артефактов в обществе. Нельзя не согласиться с цитируемыми авторами в том, что переход от уникальности к массовости неизбежно приводит к осмыслению процесса копирования и его дальнейшему гипостазированию – наделению качества сущностью. Качество, получающее статус сущности, как известно, стремится к отрыву от изначального носителя этого качества. В этом смысле Ж. Бодрийяр прав, раскрывая суть третьего порядка симулякров в обществе, – они фантомны. Вопрос в том, какой процент артефактов в обществе является фантомным и почему.

По-видимому, пропорция фантомных образований в обществе является некоторой константой. Язык как способ аккумуляции опыта с его последующей генерализацией способствует образованию таких фантомов. Фантомное противопоставляется реальному. По-видимому, на более ранних этапах человеческой истории фантомы относились к явлениям природного мира. Человек противопоставлял себя природе, и природные силы (стихия, животный мир, происходящие с человеком естественные процессы) наделялись сверхъестественными характеристиками и, в соответствии с человеческим свойством все приравнивать к человеку, одушевлялись. Мифы и закрепляющие их древнейшие сакральные тексты базируются на осознании и переживании величия природного мира.

Освоение и преобразование мира закономерно привели к осмыслению очеловеченного пространства и различных инструментов, с помощью которых это пространство создавалось. Ю. С. Степанов прав, говоря о том, что в развитии культурных феноменов всегда имеет место некоторое запаздывание, например, первые автомобили имели внешнее сходство с каретами [3]. Сакральные тексты о возникновении города (очеловеченного пространства) строились на оппозиции «город – лес». Первоначальная практика освоения мира объективно строилась на уподоблении очеловеченного пространства природному. Инструменты были похожи на независимые от человека предметы: каменный нож был внешне заостренным камнем, соха – изогнутой острой веткой. Согласно древним сказаниям, первые важнейшие инструменты были даны людям бессмертными богами. При этом сам акт передачи носил порой драматический характер: Прометей похитил огонь у богов. Идея получения права на производство артефактов сопряжена в архаичном сознании с понятиями магии. Неслучайно кузнец в древних фольклорных текстах обладает властью над нечистой силой.

Мир артефактов, объективно разрастаясь, стал занимать все большее место в обыденной жизни и, соответственно, в сознании человека. Изменилась модальность отношения человека к миру: если раньше было важно установить цикличность событий, предусмотреть возможный вред от непредсказуемых и неуправляемых природных сил, то теперь на первый план выходят правила использования, утилизации окружающего пространства. Обратим внимание на интересный этический парадокс: если мы не в силах извлечь пользу из чего-либо, мы начинаем осваивать это эстетически, а если же утилизация возможна, то на первый план выдвигаются нормы должностования. Должностование является способом упорядочения пользы. В этом смысле библейские тексты отражают (за исключением космогонического дебюта и отдельных пассажей наказания людей за их порочный образ жизни) более продвинутый этап в истории человечества – этап иерархического распределения артефактов в мироустройстве.

На высшем уровне находятся символические артефакты, связанные со служением Богу. Помимо описания священных предметов, правил жертвоприношения, одеяний священнослужителей, мы сталкиваемся с текстами, выполняющими функцию фиксации абсолютных норм: это десять заповедей и аналогичные формулы в других вероучениях, своеобразные тексты в тексте. На следующем уровне находятся артефакты, связанные с властью земной – властью царя и закона. На третьем уровне находятся артефакты, связанные с ежедневным трудом и отношениями людей в процессе производства. Заметим, что в священных книгах мы не найдем описания предметов производства, правил рационального земледелия и т. д. Это и не удивительно: культурные тексты первого типа создавались жрецами. Итак, в обществе, которое в значительной мере зависело от неподконтрольных человеку природных сил, важнейшую роль в порождении текстов, определявших характер культуры, играли жрецы, маги.

Развитие производства закономерно привело к тому, что люди, занятые в производстве (организаторы производства), осознали свою значимость в обществе и на основании экономической реальности стали ведущей социальной силой. На первое место вышел социальный тип, условно обозначаемый в данной работе как ремесленник (мастер, *homo faber*).

Дальнейшее развитие производства привело к созданию высоких технологий, благодаря которым собственно в производстве стало занято гораздо меньше людей, чем раньше, а освободившиеся человеческие ресурсы перешли в сферы услуги и досуга. Эта сфера деятельности выдвинула на авансцену новый тип активного деятеля, который условно можно обозначить как фокусник.

Разумеется, названные социальные типы схематичны и условны, но представляет интерес то, какие тексты порождаются этими типами.

Каковы характеристики иератических (жреческих) текстов?

Это тексты бытийные (не бытовые) по своему основному предназначению, касающиеся важнейших смысложизненных вопросов, насыщенные символами, отшлифованные риторически для того, чтобы в максимальной степени оказывать воздействие на слушателя (прототипным текстом здесь является проповедь), сравнительно легко запоминающиеся (их передавали от поколения к поколению устно), не допускающие изменений ни в содержании, ни в форме (когда их стали записывать, неслучайно возникла норма: «Ошибка переписчика равна умышленному греху»). В этих текстах в концентрированном виде были отражены нормы поведения в обществе. Поскольку функция передачи знания была сопряжена с функцией служения

Богу, то роль учителя в этих текстах является сакральной. Символика и метафорика таких текстов не допускают двусмысленных толкований:

«Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов» (Притчи, 21:16).

Иератические тексты организованы с соблюдением формальной и содержательной ритмики, они строятся на повторах, усиливающих главную мысль:

«Тот, кого ты собираешься ударить, – не кто иной, как ты сам.

Тот, с кем ты собираешься управиться, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься мучить, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься обратить в рабство, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься убить, – не кто иной, как ты сам. Мудрец искусен и управляет своей жизнью после понимания равенства убиваемого и убийцы. Поэтому он никогда не причиняет другим страдание и не позволяет делать это другим» (Джайнизм. Акарангасутра 5.101-102).

Обратим внимание на стилистическую фигуру восходящей градации – *ударить, управиться, мучить, поработить, убить*. Лишение свободы (порабощение) лишь на одну ступень отличается от убийства. Этот жреческий текст создан в рамках древнеиндийской культуры, сориентированной, как нам порой представляется, на смирение. Внимательное прочтение этого текста показывает общечеловеческую универсальную ценность концепта «свобода».

Иератические тексты определяют координаты миропорядка, четко разъясняя, что есть добро и зло применительно к своему племени. Они дают начало текстам философским, юридическим, научным и поэтическим. Эти тексты закреплены традицией и составляют стержень культуры. Именно такие тексты становятся в первую очередь прецедентными для той или иной лингвокультуры (и в дальнейшей для человечества в целом), постепенно переходя в концепты соответствующих текстов [4].

С развитием книгопечатания обыденная жизнь человека проникает в текстовое пространство. Различного рода повествования о событиях из жизни людей примечательных и обычных, включающие вымысел, становятся достоянием читающей публики. Чтение перестает быть сакральным занятием. Образцом мирской литературы является газета, повествующая о заботах текущего дня и мгновенно теряющая свою информационную ценность завтра. Тексты этого типа ординарны и в отличие от иератических не анонимны. Они создаются конкретными авторами и не претендуют на божественное происхождение. Для их составления, кстати, не требуется вдохновения, достаточно умения. Огромный текстовый массив составляют производственная переписка (делопроизводство, инструкции, отчеты) и частная переписка. Сюда же относится множество учебных текстов, например, сочинения на заданную тему. По сравнению с текстами первого типа тексты второго типа характеризуются гигантской жанровой вариативностью, кратковременностью существования и повсеместностью распространения. Иератические тексты составляют ничтожно малую часть в огромном текстовом массиве, состоящем в основном из ординарных ремесленнических текстов, но по своей культурогенной значимости, повторяемости и прецедентности четко выделяются как знаковые константы.

Следует подчеркнуть неоднородность текстов второго типа (дать их классификацию – значит попытаться разбить на классы все написанное). Некоторые из этих текстов по определенным параметрам приближаются к текстам иератическим (образцы художественной литературы, различные кодексы, классические научные

труды), некоторые с трудом соответствуют литературному стандарту (неслучайно в обиход вошел термин «паралитература»).

Дж. Лемке отмечает, что для текстов второго типа, текстов массовой культуры, важнейшим качеством является соответствие жанровому канону. В ином ключе эту идею развивает А. Г. Баранов, определяя текстотип как способ бытования жанра в языковом сознании [5, с. 170]. Приведем в качестве примера текст, относящийся к жанру disclaimer – официальное заявление о снятии с себя ответственности перед покупателем или клиентом за ущерб, возникший вследствие нарушения ими правил пользования продуктом:

The manufacturer disclaims any liability for damage which may result as a consequence of improper use or use contrary to the instruction contained herein.

Это – разновидность юридического дискурса, констатация прав и обязанностей, возникающих в результате совершения определенной сделки. Производитель товара или фирма, предоставляющая определенные услуги, официально уведомляют потенциальных истцов, которые могут подать в суд на соответствующих производителей или тех, кто предоставляет услуги, о том, что гарантии имеют ограничения. Такая практика характерна для общества, где четко определены права потребителей. Интересен фрагмент из текста данного жанра на сайте университета штата Юта:

Health-Related Content Disclaimer:

Health related topics found on any University page, should not be used for diagnosing purposes or be substituted for medical advice.

As with any new or ongoing treatment, always consult your professional healthcare providers before beginning any new treatment. It is your responsibility to research the accuracy, completeness, and usefulness of all opinions, services, and other information found on the site, and to consult with your professional health care provider as to whether the information can benefit you. The University of Utah assumes no responsibility or liability for any consequence resulting directly or indirectly for any action or inaction you take based on or made in reliance on the information, services, or material on or linked to this site.

Посетители сайта официально предупреждаются о том, что размещенная на сайте информация, имеющая отношение к здоровью, не должна использоваться в качестве диагностики или замены медицинского обслуживания.

Аналогичным образом мы можем построить подобный текст, касающийся типичной ситуации, участники которой могут оказаться в правовом пространстве договорных отношений, ограничиваемом здравым смыслом.

Различные речевые жанры могут в разной степени отходить от своего канона, есть ригидные и лабильные речевые жанры, например, официальные заявления, представляющие собой трафаретные формы, и частные письма, вариативность которых достаточно велика.

Тексты третьего типа принципиально отличаются от предыдущих своей игровой сущностью. Следует заметить, что создатель таких текстов – фокусник, шут, иллюзионист – не новое образование в списке коммуникативных типажей. Эти личности соседствовали со жрецами и мастерами, дополняя их. Но в новейшую эпоху дистрактивная функция (функция развлечения) приобрела статус одной из важнейших в связи с увеличением досуга у граждан современного постиндустриального общества. То, что раньше подавалось в серьезной упаковке, теперь все чаще принимает характер игры. Это отчасти связано с изменением социальных приоритетов в обществе – эстетическое становится более важным, чем этическое [6].

Но не только игровой характер определяет сущность этих текстов. Их интертекстуальные связи становятся самодовлеющими. Прямое и модифицированное цитирование становится важнейшей характеристикой текстов эпохи постмодерна. При этом сознательно нарушаются стилевые нормы, смешиваются регистры, возникает коллаж (наклеивание на холст различных предметов) как способ художественного отражения действительности. Пародийное имитирование как специфический вид критики переходит в пастиш (pastiche) – литературную имитацию, экстремальным вариантом которой является текст, целиком состоящий из фрагментов произведений одного или нескольких авторов (a literary patchwork – литературное лоскутное одеяло). Пастиш в максимальной степени соответствует симулякру третьего уровня, будучи копией несуществующего оригинала, вернее, его оригиналом является некий сверхтекст как совокупность множества текстов. Примеры такого текста мы находим у Льва Рубинштейна:

...5. *Мокрая ветка в окно стучит –*

6. *Не понять ничего;*

7. *Муха на стекле раздавлена –*

8. *Спать в одиночестве;*

9. *Дитя в люльку напрудило –*

10. *Левое с правым спутать;*

<...>

35. *Об камень споткнулся –*

36. *Скажешь:*

«Сегодня мне не до искусства.

Прости, прости, уж спать пора.

чувство.

игра.

Но не игра на понижение –

без преград,

движение

наугад».

(Л. Рубинштейн. Меланхолический альбом)

Произвольные комбинации строк, написанных на карточках, имитируют гадательные тексты, но в отличие от таких текстов они сочетаются в любом порядке и поэтому показывают бессмысленность подобных гаданий. В качестве одной из карточек приводится незавершенная строфа, сильные позиции в ней уже заняты, интертекстуальные ассоциации очевидны (Б. Пастернак: *«Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба, и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба»*). Перед нами текстовый поток, выражающий настроение автора, страницы этого меланхолического альбома перелистываются как бы сами.

Тексты третьего типа на первый взгляд асистемны, их структура принципиально произвольна, они тяготеют к жанру «Алфавитный словарь», размывая специфику этого жанра. На самом деле попытка автора спрятаться за алфавитной последовательностью текстовых фрагментов заставляет читателя искать смысл в якобы случайном ряду явлений.

Интересной особенностью текстов третьего типа является их игровая загадочность, они часто содержат явные или скрытые загадки, разгадывать которые становится эстетической сверхзадачей читателя. Такие загадки свойственны не только художественным, но и научным текстам (впрочем, если это текст третьего типа,

то его жанровая специфика неизбежно размывается). Так, В. П. Руднев в «Словаре культуры XX века» предлагает читателю поиграть с автором в «Китайскую рулетку» (угадать, кого из известных поэтов он имеет в виду, приводя произвольные вопросы и ответы) (статья «Парасемантика»). Всем, кто догадается и сообщит об этом по указанному в статье телефону, автор обещает подарить ксерокс своей статьи [7].

Обсуждая специфику текстов третьего типа, мы, разумеется, обращаемся к известному тезису М. М. Бахтина о карнавальной культуре, противостоящей официальному порядку вещей и дополняющей его. В этом смысле жрец и фокусник заполняют позиции выразителей официоза и карнавала, но это лишь кажущееся заполнение. Иератические тексты, действительно, сакральны, но фокуснические тексты не всегда профанны. Интересное развитие идея карнавальности получает в антитезе «карнавал – маскарад» [8, с. 9]: «В противоположность карнавалу, маскарад отчетливо – и постоянно – осознает себя как нечто временное, преходящее и уже потому не вполне «настоящее»; более того, это ощущение эфемерности и неподлинности (квазиподлинности) оказывается источником и предметом непрекращающейся рефлексии, меняющей сам характер праздничности (и, в конечном итоге, трансформирующей карнавальность в маскарадность)». Маскарадность, как видим, соотносится с виртуализацией и симуляцией действительности.

Основным пространством функционирования текстов третьего типа является в настоящее время массово-информационный дискурс, поскольку массовая информация общедоступна, в максимальной степени открыта для манипулятивного использования, выполняет рекламные функции (параллельно с информированием). Весьма экспрессивны заголовки газетных текстов, например:

Кричат хозяйева «ура!» и кошкам шляпки надевают.

Известный екатеринбургский модельер Светлана Фетисова шьет головные уборы для хвостатых мурлык (Комсомольская Правда).

Заголовок в шутливой форме отсылает читателя к хрестоматийной фразе из «Горя от ума» А. С. Грибоедова «Кричали женщины «ура!» и в воздух чепчики бросали». Подзаголовок раскрывает содержание статьи.

Если признать, что обозначенные три типа текстов в своих жанровых разновидностях могут развиваться параллельно, то показательным может быть сравнение одного из жанров. Например, универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленническая разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Проиллюстрируем эти текстовые типы:

1. *Худших всегда большинство (Биант); Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое (Ш. Руставели).*

2. *Нельзя касаться языком металлических предметов в сильный мороз; Неприятный запах скунса нейтрализуется томатным соком.*

3. *It's hard to make a comeback when you haven't been anywhere – Трудно вернуться назад, если никуда не уходил; Лучше забитый шуруп, чем завинченный гвоздь.*

Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных

конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-этические, так и на утилитарные поучения, их назначение – восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового. При этом по форме эти высказывания соответствуют поучениям (*Если Вас укусила злая собака, пожалуйста доброй; Не стоит пробовать монету на фальшивый зуб; Испортить можно все*). Фокусник зависит от жреца и ремесленника, поскольку порождаемые им тексты принципиально вторичны. Увеличение удельного веса текстов третьего типа в культуре свидетельствует о возникновении новой ментальности, требующей изучения.

Жрец, ремесленник и фокусник как условные культурогенные личности представляют собой воплощение определенных текстовых функций и в этом качестве панхроничны. Но в различные периоды человеческой истории на первый план выходит одна из названных личностей, в концентрированном виде выражающая приоритеты общества. Приведенный список типажей вряд ли можно считать закрытым.

Подведем основные итоги.

Коммуникативное поведение специфически выражается в культурогенных текстах – речевых произведениях, соответствующих цивилизационным доминантам в истории культуры. Переход от сакральных текстов к текстам массовой культуры и затем – к текстам в виртуальном пространстве привел к существенным изменениям в понимании феномена авторства и позиции людей по отношению к тексту. Первый тип текстов выдвинул на авансцену культуры жрецов, назначением которых была передача последующим поколениям священного знания, второй тип текстов привел к возникновению авторов-ремесленников, производящих одноразовые тексты для разных целей, третий тип текстов вызвал к жизни фокусников, порождающих вторичные тексты с целью карнавализации бытия.

Ссылки / References

1. Lemke J. L. *Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 130–149.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
5. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
6. Щеглова Л. В. Значение этики в эпоху эстетизма // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия: Социально-экономические науки и искусство. 2003. № 2. С. 3–9.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
8. Гринштейн А. Л. Карнавал и маскарад в художественной литературе: Учеб. пособие для вузов культуры и искусств. Самара: Изд-во Академии культуры и искусств, 1999. 118 с.